

— Алексей, ты думаешь просыпаться или нет? В школу опоздаешь — будешь снова стоять у дверей. Потом не жалуйся мне на то, что тебя не пустили в класс, и ты волшебным образом получил замечание в дневник. Посмотри на свои вещи! Ты опять не принял во внимание мои слова и не собрал их с вечера, теперь у тебя уйдёт на это не менее получаса. Просыпайся скорее! — с сердитым восклицанием пыталась пробудить Алешу мама.

— Я уже..., — пробубнил под нос мальчик. — И никогда я тебе не жаловался, а рассказал только, за что схлопотал замечание. Любите вы, взрослые, все приукрасить, будто сами в школе не учились и дисциплину не нарушали, — недовольно спросонок бормотал Алешка.

— Я сейчас убегаю, на столе стоит завтрак, в прихожей на тумбе лежит чистый носовой платок, возьми его. Вывесила тебе серую ветровку, смотри не испачкай. В обед обязательно иди в столовую, деньги там же, где и платок. Узнаю, что не кушал, накажу, понятно? — не слыша Алешкиных рассуждений в комнате, продолжала выдавать указания Ксения Петровна.

— Не узнаешь, — тут же подхватил Алеша, — лучше я отложу в копилку эти деньги на новый мобильный телефон.

Маме и невдомек было, как протекала ученическая жизнь её сына. Утром она будила его, собирала к столу, чтобы Алеша позавтракал, и убегала на множество своих работ, потому что воспитывала сына одна и, соответственно, обеспечивала семью тоже в одиночку. «Денег, денег заработать надо!» — дзынькало у неё в голове. А мальчишке необходимо было всего лишь немного участия и заботы. «Что ж она не заботилась о нем?» — скажете вы. Заботилась, конечно, заботилась, только речь не о завтраках, ужинах, теплых вещах и прочих материальных ценностях. Тут о другой заботе речь идет, о духовной. А на неё, к сожалению, у Ксении Петровны не оставалось времени. Сами подумайте, когда ей, бедной, расспрашивать об успехах и неудачах, если домой она являлась после всех своих работ только к девяти часам вечера, и то такая уставшая, что еле-еле ужинала и ложилась спать. Алексей понимал, насколько сложно его хрупкой любимой маме дается каждый кусок хлеба, и старался всегда сам решать свои проблемы. А их у него было немало.

Алексей Ежов учился в 6 «г» классе в школе, расположенной в небольшом городке, название которого не имеет никакого значения, ибо важнее судьба конкретного человека, а не место его жительства. Он не любил шалости, в отличие от большинства мальчишек, не отличался особой прилежностью в учебе и постоянно что-то забывал. Вел себя тихо и старался быть незаметным для окружающих. Одно было примечательно в этом невысокого роста маленьком мужчине: он не терпел несправедливости и всегда болезненно переживал, когда видел насилие в отношении слабых и беззащитных. Однажды он заплакал даже, спрятавшись под одеяло (тихонько так, чтобы мама не слышала), когда Витька со своей компанией мучил во дворе бездомного щенка. Алешка даже замечание им сделал, на что получил многозначительный знак кулаком. Так и на остальные деяния сильных мира школьного и дворового реагировать Алеша не осмеливался. Лидирующих позиций в классе он не занимал никогда, группой поддержки не обзавелся, а в одиночку бороться трудно.

Внешне наш добряк был неприметен: русые волосы (достаточно распространенный цвет) сливали его с общей массой; как уже было сказано, росту был невеликого; серые глаза (что тоже не редкость) всегда влажно блестели, будто только что были омыты слезами, и выражали какую-то задумчивость и непонимание простых вещей; всегда алые пухлые губы были немного надуты, они, отдельно от хозяина, обижались на что-то или радовались чему-то. Над ним часто подшучивали в школе, давали различные безобидные прозвища, но одно как-то приклеилось, и сам владелец этого второго имени уже не обижался, когда слышал зов: «Лешик-Ежик, дай ручку». Скажете, что фамилия была причиной тому? Вряд ли, скорее это отражало внутренний мир нашего героя, он действительно был похож на что-то колючее, закрытое и непознанное; не следовал моде ни внутренней, ни внешней, у него была своя правда и свои предпочтения. Ради бесплатных пирожков и колы он не пристраивался к компаниям, а был сам по себе. Поэтому действовать против толпы было невероятно страшно и трудно парню двенадцати лет. Только иногда бессилие проливалось скупыми мальчишескими слезами. Можно только догадываться, какой человечие зрел в этом ребенке! А с виду, правда, серый неприметный ёжик.

II

Вот и сегодня день предстоял быть таким же, как и все предыдущие. Лешик-Ежик быстро, чтобы не огорчать маму, собрался в школу, позавтракал на скорую руку, оставив полкружки чая и недоеденный бутерброд на столе, схватил свой рюкзак и выскочил из дому, застегивая на ходу ветровку. Мама была права: он действительно не успевал собраться утром, и торчавший из кармана вчерашний носовой платок явно свидетельствовал об этом. Лешка глянул на него пренебрежительно, запихал пальцем край, бесполезной на его взгляд (но мама настаивала на присутствии этого предмета), тряпицы в нагрудный карман и отправился быстрым шагом в храм науки, забыв об инструкциях, выданных заботливой мамой.

Учебный год только начался, и вы без труда догадаетесь, какое время года господствовало на улице. Ночами уже было прохладно, но дни по-настоящему радовали последними теплыми лучами. В небе то и дело двигались длинными караванами чуть посеребрившие облака, будто и они в скором времени собирались в теплые страны. Вечерами, под ярким огненным светом зари, они похожи были на большие гематомы на огромном теле, даже вызывали жалость. Лето уходило со стремительной силой, обещая вернуться через год. Сентябрь уже вовсю рисовал своей акварелью по лиственным деревьям, поэтому много где проглядывали в густых зеленых кронах желтые кляксы. Это то время, когда все вокруг ещё протестует и не хочет готовиться ко сну. Дороги и тропки сухи, зовут гулять и наслаждаться приятным запахом тлеющих после уборки парков костров. Конец сентября — сказочное время!

Алексей шел, иногда подбрасывая ногой попадавшие на пути кучки сгрудившихся листьев, любовался придорожным пейзажем, вдыхал свежий утренний воздух и думал о своей недавно появившейся новой проблеме, Ире Любавиной. Это была его одноклассница, отличница и самая красивая, по всем рейтингам, в школе девочка. Ну, как же мог не поддаться её чарам и наш правдолюб. «Да только шансов - то ноль», — в отчаянии понимал Алеша. «Она даже не смотрит на меня, — повторял про себя он каждый раз, — девчонки любят крутых, смелых, свободных, даже нахальных. А я не умею быть таким. Мама всегда говорила мне, что только порядочный, скромный и образованный человек займёт достойное место в обществе. Я, конечно, сомневаюсь в её словах. И учиться не очень получается. У меня вон даже мобильный телефон кнопочный, и все из-за этого

смеются за спиной: теперь уже с таким старьём и первоклашки-то не ходят», — путано, перескакивая с одного предмета на другой, рассуждал Алексей.

В таких грустных размышлениях Ежов добрался до порога школы, на котором из туманных мыслей его быстро вышиб Витька Корольков со своей компанией.

— Здорово, Ежило! — по-хозяйски хлопнув по спине Лешку, произнес его противник.

— Привет, — чуть слышно ответил Алексей.

— Смотри, чё у меня, — доставая из кармана брюк новенький гаджет, настаивал на общении Витек.

Не очень — то хотелось Алексею останавливаться близ этой компании, но предмет, предъявляемый Корольковым не мог не заинтересовать. В его руках была Лешкина мечта: современная электронная игра, популярная сегодня во всех уголках страны. Конечно, он взглянул на неё с завистью, понимая, что ему такого не заполучить никогда, разве во сне только. Мама не могла позволить себе потратить такую сумму денег на сына даже в его день рождения.

— Хошь, дам поиграть? Ты, небось, такой штуки и в руках не держал? — не отставал ненавистный собеседник, вызывая беспокойство нашего героя.

— Ну, хочу. Но ты же не дашь? Зачем тогда предлагаешь? — еле слышно отвечал Алеша.

— Ну, почему? Дам, если захочешь. Только не бесплатно. Мммм...., — промычал неоднозначно Витька. — Прокричи-ка сегодня на уроке литературы «Марина Евгеньевна, ты дура!» — ехидно улыбаясь, назначил цену Корольков.

— Нет, я этого делать не стану, ты же знаешь. Зачем ты так на неё говоришь? Она добрая и ничего плохого не желает нам, — осмелел Алексей.

— Ой-ой-ой, добрая. Достала уже со своими истинами добра, любви и красоты. Сама ходит в одном и том же каждый день, туфли дырявые, шалькой обернется, как капуста, и прячет под ней старые платья, все на книжки свои, наверно, тратит. Мне в ряд пары лепит. У самой денег нет, вот она на мне и отрывается. А я виноват, что у меня батя зарабатывает хорошо? Слышь, лопух, я тебя спрашиваю? — разошёлся не на шутку Витька.

— Сказал, не буду делать этого, значит — не буду, — стушевавшись, не отступал от своего Ежов. И, высвободившись из-под руки Королькова, пошел в здание школы. Отважная компания во главе с Витькой последовала за ним.

Виктор Корольков на самом деле был «золотым» ребенком, рос в обеспеченной семье, ни в чем не знал отказа, а потому решил, что он все может, и готовится к урокам ему не обязательно. Марина Евгеньевна Капустина была его самым нелюбимым учителем: она требовала со всех одинаково, не принимая во внимание социальное положение и разного рода любезности в свой адрес. Витька быстро обзавелся прихвостнями, которые за билет в кинотеатр или на хоккейную площадку готовы были идти за ним и в огонь, и в воду, поэтому чувствовал себя предводителем, решавшим судьбы других. Он был достаточно крепкого телосложения, чем также навевал некоторое беспокойство на товарищей; карие глаза нахально шныряли по всем предметам, которые попадали в их фокус, давая понять, что они все его; губы, чаще всего сжатые в узкую полоску, выказывали постоянные мысли о какой-либо гадости. В целом, он был хорош собой, что тоже вредило Лешку-Ежику: он заметно проигрывал ему в борьбе за Иринкино сердце. Вот так и получается: одному все (и привлекательность, и смелость, и хорошенькие вещицы, вроде модных гаджетов), а другому — ничего. «Я — лузер», — повторял частенько наш герой перед зеркалом.

Ребята вошли в класс через минуту после звонка, что несколько огорчило учителя литературы, Марину Евгеньевну Капустину. Она многозначительно посмотрела поверх очков, ещё крепче завернулась в шаль, сложив руки на груди.

— Корольков, ты когда-нибудь будешь прислушиваться к моим замечаниям? Сколько раз я говорила, что в класс вы должны прийти за пять минут до звонка. Теперь ты отнимешь у меня драгоценные минуты урока, приготавливаясь к занятиям, — достаточно сурово произнесла нелюбимая учительница Витька.

— Меня... нас, — посмотрев на своих приспешников, поправился Витька, — задержали в коридоре. Мы помогали стулья донести, — легко, с самодовольным выражением лица, соврал Корольков.

— Ну, а ты, Ежов? Что с тобой приключилось? Это не в твоей манере: опаздывать на урок. Или тебе ещё одно замечание нужно в дневнике? — не меняя интонации, твердила Марина Евгеньевна.

— Я...я...нет, я просто не успел, — мямлил Ежов, переминаясь с ноги на ногу и смотря в пол.

— Ладно, присаживайтесь. Виктор, забирай свою бравую команду. И чтобы в последний раз, понятно? — подвела итог литератор.

Мальчишки быстро прошли за парты и сели на свои места: Виктор Корольков — с Алешкиной зазнобой рядом, а сам Лёшик-Ежик — за последнюю парту в гордом одиночестве.

Ира Любавина сегодня, как и всегда, была неотразима! Наш герой не мог от неё оторвать своих серых влажных глаз. Светло-русые до пояса волосы были собраны во французскую косу и перевязаны голубой лентой, которая оттеняла большие небесного цвета глаза. Смотрела красавица всегда немного свысока и имела на это полное право: отличницам позволено чуть больше. Природа наградила её интересной формой губ: верхняя чуть покрывала нижнюю губу, поэтому казалось, что девочка всегда немного обижена. Ира никогда не надевала, вопреки модным веяниям, джинсов, а носила исключительно платья, причем таких нарядов, как у неё, ни у кого не было. Валентина Иосифовна, мама Иры, была профессиональной швеёй и, конечно, наряжала свою любимую единственную девочку с большим вкусом и оригинальностью. Говорить о том, что Иринка предпочитала чьё-то общество нельзя, она скорее держалась обособленно и только позволяла с собой общаться. Можете подумать, что виной тому высокомерие. Но это будет ошибочным мнением. Просто она жила в своём, отличном от других, мире: читала книги, сочиняла небольшие сказки и никому не говорила обо всем этом. Отсюда и непроницаемый взгляд, и многозначительно поджатая нижняя губа, и такая манера поведения... Это был своего рода панцирь, защитная оболочка из-за недоверия к окружающим. И будь Алеша Ежов немного смелее, то, вероятно, они смогли бы подружиться. Ибо их миры, как оказывается, были чем-то схожи. Но, увы! Нахальство Королькова взяло верх над скромностью Ежова.

IV

Долго Лёшик не мог переключиться на Марину Евгеньевну и, соответственно, совершенно не слушал, о чем она рассказывала. Учитель своим зорким глазом сумела это поймать и тут же воспользовалась отвлечённостью ученика:

— Ежов! Ты меня слушаешь? О чем я только что говорила? — со всей строгостью вопрошала Марина Евгеньевна.

Алексей не произнёс ни слова. Он попросту не знал. А тут ещё, на беду, мобильный телефон (который он из-за своей забывчивости не отключил) запиликал на весь класс. Конечно же, это произвело всеобщее волнение и особенно повеселило Королькова:

— Ежило, доставай свой айфон нулевой версии из прошлого века, покажи нам раритет! Ха-ха-ха-ха-ха! — злорадствовал Витька.

— Алеша, ты можешь выйти в коридор и поговорить, — спокойным голосом погасила волну хохота учитель. — А мы продолжим урок.

Звонила мама, предупредила о том, что дома ему нужно быть не позднее трех часов дня, потому что придёт работница газовой службы для проверки счетчика. Когда Лешка вернулся в класс, уже никто не смеялся над ним, а все что-то писали в тетрадях. Он сел за свою парту и включился в работу.

— Итак, как вы думаете, почему былинные герои известны и интересны по сегодняшний день? — вела к завершению урок Марина Евгеньевна. — Может быть, Витя нам ответит на этот вопрос?

Корольков неохотно поднялся и лениво вытянул руки, сцепленные замком, вниз.

— Ну, вообще-то мне не интересны эти самые герои, чему они меня могут научить, когда за окном другой мир? Они жили тогда, а мы живем сейчас. Ни тебе Соловьёв-разбойников, ни змеев, ни драконов. Теперь есть другие герои, которым я хочу подражать.

— Интересная позиция, — недоуменно смотрела учитель. — Возможно, Алеша Ежов имеет другое мнение?

Но что мог сказать на это Лешик-Ежик? Он не был героем, никому не подражал и считал себя слабым и неприметным человеком. Былинный герой для него был всего лишь былинным, далеким (и внешне, и внутренне) от него самого. Он смиренно выполз из-за парты, все так же не поднимая глаз, как и в начале урока, и начал, неожиданно для себя, рассуждать:

— Я, Марина Евгеньевна, не знаю, почему истории про этих героев до сих пор в школе изучают. Я читать былины не очень люблю, трудно они читаются. Но, наверно, герои эти были сильными и смелыми, совершили подвиги и запомнились этим. Поэтому нам ставят их в пример, — не очень точно сформулировал свою мысль Алексей.

— А как ты думаешь, в современном мире есть место храбрости, смелости и подвигу? — пыталась продолжить рассуждение своего ученика Марина Евгеньевна.

— Не знаю. Я совсем не храбрый. Я не знаю, когда и для чего совершают подвиги. И не сильный совсем, — вдруг разоткровенничался Алешка. Он почувствовал, как огромная глыба снега съехала с его сердца, как с крыши в дни оттепели, и освободила просторное место, когда произвольно вырвались эти слова. Будто он сам себе признался в самом сокровенном. Определенно, этот день негласно, Лешка не подозревал об этом, стал отправной точкой в его жизни.

— А ты помнишь, что я рассказывала об Илье Муромце на уроке? Ведь он в детстве был очень слабым и больным ребенком. Откуда ж тогда в нем сила-то богатырская взялась для подвигов?

— Да не знаю же, — почесав под носом, заключил Ежов. Ему хотелось поскорее сесть на место.

— А я тебе вот что скажу: когда любишь, то сделаешь невозможное. Герои наши былинные землю свою любили, матерей своих, народ, среди которого жили, оттого и шли бесстрашно на подвиги. Любовь! Вот в чем источник силы и храбрости. Поэтому до сих

пор они с нами, не забываются, а мы у них этому искусству, искусству любить, учимся. Садись на место, Алексей.

V

Почти сразу после этих слов прозвенел спасительный звонок с урока. Шумная возня начала стремительно нарастать: кто-то усердно засовывал учебник в рюкзак, кто-то уже надевал этот рюкзак на плечи, кто-то радостно бежал с дневником за полученной во время урока отметкой.

Однако Лешкино откровение не могло остаться без внимания. Витька ехидно улыбался, выдавая наглым прищуром задуманную пакость, и о чём-то нашептывал своим друзьям. Те в ответ хихикали, одобрительно кивая головами. Что-то должно было произойти. И это что-то непременно касалось Ежова. Он же, не подозревая ни о чем, направлялся уже к выходу из класса.

Шумная ватага Королькова ещё какое-то время пошушукалась в классе, а потом спокойно вышла. Вскоре ребята догнали Ежова, и, многозначительно толкнув его по плечу, предводитель коалиции искоса посмотрел на Алешу. Он не догадался, в чем была причина такого поступка, даже услышав громкий хохот Вадика Хомчика, одного из приближенных Королькова.

После столкновения в школьном коридоре на спине Алексея Ежова красовалась надпись огромными буквами на листе А4: «Я — слабак!» Бедняга шел по длинной полосе своего позора и не догадывался, почему его сканируют глазами все от мала до велика ребята. Он то и дело поправлял лямки рюкзака, потом начал осматривать себя, одергивать свитер, но пристальные взгляды все равно сверлили его. Кто-то усмехался, кто-то смотрел с умилением, кто-то с сожалением, но никто не подошёл и не снял со спины мальчишки этот приговор. Только войдя в кабинет истории, Лешик-Ежик смог освободиться от тяжелой, не замеченной им, ноши: Людмила Константиновна, учитель истории, сняла листок бумаги, сопереживающе посмотрев на своего ученика.

Теперь наш герой понял причину такого пристального внимания к его персоне в коридоре. Ему было неловко, стыдно и обидно. Он бы заплакал своими скудными мальчишескими слезами, но, увы, он был в классе, а не под одеялом у себя дома. К тому же, Ира... Ира смотрела на него. Он, как подобает мужчине, сдержал слёзы горечи и, с напускным равнодушием, сел за свою парту. Стоит ли говорить о том, как штормило его сердце в этот момент! А самое страшное то, что Алексей в какой-то мере был согласен с надписью на его спине. Но что с этим делать, он не знал.

VI

Как часто в жизни все решает случай... Он не обошёл стороной и нашего героя. Едва только Алеша оправился от обиды (громко, конечно, сказано), нанесенной Корольковым и К°, как судьба приготовила ему новое испытание.

Уроки уже завершились, и Лешик-Ежик стремительно помчался в гардеробную за своей ветровкой, так как время было уже четверть третьего, и работница газовой службы должна была в скором времени прийти к нему домой. Парень категорически не хотел подводить маму, поэтому старался успеть явиться к назначенному часу.

Так как основная масса ребятни уходила домой именно в это время, в гардеробной была сутолока. Алексей же, воспитанный и порядочный, пропускал всех, особенно девчонок, а сам никак не мог пробиться к своей одежде. Витька-то понаглее был, всех растолкал и уже просочился на улицу со своей группой поддержки.

Толчая через десять минут рассеялась. Теперь Ежов стоял почти один посреди небольшого помещения. Также и его курточка одиноко висела среди множества свободных крючков.

Алексей подошёл к своей ветровке и уже было хотел снять её с крючка, как его внимание привлек шум, донесшийся чрез открытое окно с улицы. Он отчетливо слышал голос Иры Любавиной, которая громко кричала:

— Витька, оставь его, он совсем маленький и безобидный, зачем он тебе нужен? — почти навзрыд уговаривала Иринка.

В ответ на её слова раздавался только оглушительный хохот.

Дальше Алексей Ежов не помнил, что происходило, так как действовал руководимый своим большим горячим сердцем.

VII

Только лишь заслышав тревожные нотки в голосе первой красавицы школы, наш герой рванулся что было сил к выходу на улицу, совершенно позабыв о верхней одежде. По пути в школьный двор, Лешка, впопыхах принося извинения, то и дело кого-то толкал, ускоряясь с каждым мигом. Вскоре он миновал выход во двор, ощутив свежий осенний воздух.

Школьный двор был особым местом! Сколько радостей и грустей видели эти тополя, обрамлявшие своими кудрявыми кронами узкие аллейки! Сколько счастливых выпускников прошло мимо них теплым майским днём! Клены, величаво стоявшие на выходе из школьного дворика, хранили секреты, рассказанные им влюбленными разных лет. Весной зацветали кусты сирени, наполнявшие сладким ароматом округу, а скромные березы кивали круглый год задумчивым прохожим, время от времени меняя пышную шевелюру из листьев на голые хлесткие печальные прутья.

Одна из множества аллей вела к небольшому парку и терялась где-то в его глубине. Именно на ней Алешка увидел компашку во главе с Корольковым Витей. Чуть поодаль стояла Ира Любавина со своей подружкой, Катей Спициной, и что-то объясняла, размахивая руками. Лешик-Ежик, не думая ни минуты, рванулся туда. Его, конечно же, заметили и стали громко хохотать (вид у него был изрядно растрепанный). Он едва только приблизился, а Иринка уже с надрывом закричала тоненьким голосом:

— Лешка, Лешка, спаси его! Они ежика поймали и ногами пинать вместо мяча хотят! Они не слушают меня, не слушают! — почти со слезами твердила во все горло Ира.

В следующий миг произошло то, о чём так не хотел говорить Ежов сегодня на уроке литературы. Всё вспыхнуло ярким огнём в Алешкиной голове: и щенок во дворе, и листок бумаги с надписью, и гадости, сказанные об учителе утром, и ещё пара вопиющих случаев, связанных с самодурством Королькова. Он собрал всю свою волю, всю силу в огромный железный кулак, который может быть у двенадцатилетнего пацана, и бросился на толпу. Его помощницей стала внезапность, с которой он налетел на злобную компанию. Сначала откатился в сторону Вадик Хомчик; затем самовольно покинул битву струсивший худощавый Лень Бабаков; Королькова Ежов схватил за длинный, стриженный согласно модным тенденциям, чуб, чем вывел его из равновесия, и тот, отцепив Лешкину руку, отпрыгнул в сторону. Коля Стругов попятился назад, увидев бешеные глаза, до этого дня безобидного, Лешика-Ежика. Сам герой схватил беззащитное животное в руки. Отбегая от обидчиков, он споткнулся, плюхнулся со всей высоты роста, но это было неважно. Уже сидя на земле, слегка присыпанной желтой листвой, он заорал, что было сил грудным голосом, каким только кричат от большой обиды:

— Не тронь! Не тронь, слышишь! — устремившись острым взглядом ледяных серых глаз, настаивал Ежов, глядя на Королькова. — Никого больше, никогда, слышите! — уже ко всей компании обращал свою речь Алеша. — Не подходите, а то ударю! Никто не подходит! — никак не мог успокоиться герой. Горькие, накопившиеся, неудержимые слезы брызнули из глаз мальчишки. Он держал в руках колючий шарик, такой похожий на него самого. Больно ли было ему в этот момент? Да, душа его болела, не руки, пронзаемые сотнями защитных иголок ежа. Он забыл про все: про тетю из газовой службы, про просьбу мамы, даже Иру он не замечал в этот момент. Весь мир сосредоточился для него в этом крохотном животном, которому нужна была его помощь. Не заметил он и того, как уже собиралась толпа зевак, бежала Марина Евгеньевна, увидевшая происходящее во дворе в окно своего класса. В спешке она только накинула на плечи, уже известную читателю, шаль, а в правой руке несла Алешкину куртку, из кармана которой по-прежнему торчал носовой платок. Учительница подошла ближе и спокойным приветливым голосом переключила внимание Алексея на себя:

— Алеша, успокойся. Всё хорошо. Возьми, оденься, — уговаривала учитель, протягивая ветровку раскрасневшемуся, в слезах, мальчишке. — А вы что стоите? По домам, по домам бегом, — разгоняла она толпу сгрудившихся ребят.

Корольков со своей ватагой быстро покинул место происшествия, что не удивительно. Такие, как он, первыми сбегают, чтобы снять с себя всю ответственность. Да если бы он и не сбежал, то все равно выкрутился бы.

Ира Любавина, пока Марина Евгеньевна пыталась очистить территорию от любопытных Варвар, подошла к ней, взяла из её рук Алешину куртку, вытащила носовой платок из нагрудного кармана и своей рукой вытерла ему лицо. Затем подала платочек Алексею, сказав:

— Ты всё правильно сделал. Ты — молодец.

А тополя стали свидетелями ещё одного подвига.

VIII

Как дошел домой, Ежов Алеша помнил плохо. К приходу работницы газовой службы он, конечно, не успел. Некая Баранюк В. П. (собственно сама газовщица) оставила в двери предписание и ушла, не проверив счетчик. Алешка вытащил бумажку-предателя из дверной ручки и спрятал её на время, чтобы не огорчать маму. И всё сложилось бы удачно, если бы В.П. не совершила контрольный звонок Ксении Петровне, сообщив о том, что так и не смогла попасть к ним в дом.

Когда мама вернулась, Алексей лежал на кровати совсем без сил. Она хотела уже пуститься читать нотации о безответственности и равнодушии к ней, но вовремя заметила что-то неладное. Её сын был совершенно другим. Она пока не могла понять, что изменилось в нём, но определенно это был не тот Алеша, с которым она простилась утром, убегая на «свои работы». Он лежал, поджав ноги близко к животу, а головой уткнулся в сложенные на груди руки, точно калачик. А вернее, больше он был похож на ежика. Ксения Петровна даже не знала, как подойти с расспросами к сыну. Но всё же решилась.

— Ты забыл сегодня деньги на обед, — чуть слышно, по-доброму, произнесла она.

— Я знаю, — не поднимая глаз, ответил сын.

Немного помолчав, она снова заговорила:

— Ты задержался в школе сегодня? Из газовой службы звонили... — вопросительно смотрела Ксения Петровна.

— Вот..., — взял листок с прикроватной тумбочки и протянул маме Алешка.

— Я вижу. А могу я узнать причину этого предписания? Мы же договорились с тобой обо всём по телефону.

Алеша безмолвно замотал головой. Да... Пробриться сквозь колючую защитную броню было крайне трудно. Мама это видела, но не знала, как наладить беседу. Уж очень редко говорили они с сыном по душам. А если совсем откровенно, то вообще никогда. Она как можно аккуратнее села на край кровати и начала гладить сына по голове, ласково убеждая его поведать о причине плохого настроения, а заодно и о причине задержки в школе.

— Сынок, я все понимаю, иногда тебе хочется побегать с друзьями или погонять мяч на футбольном поле. Но пойми, я одна не могу со всем трудностями справиться, ты мой главный помощник, защитник, без тебя мне никак, — уговаривала Лешика мама, не переставая гладить его русые волосы. — Я очень хочу, чтобы у тебя всё было, поэтому пропадаю на работе. Если ты обижен на меня, скажи, и я попробую загладить свою вину, — соглашалась на любые условия мама.

Конечно же, она ни в чем не была виновата. Алешка почувствовал стыд за то, что его самый родной человек сейчас сидит и винит себя в том, чего не совершал. Этого слушать он равнодушно не мог. Не меняя положения тела, он поднял на маму свои серые влажные глаза (в этот раз действительно от слёз) и заговорил тихим голосом, от души, искренно:

— У меня нет друзей, и футбол я не люблю. В школе я задержался, потому что подрался. Я честно хотел выполнить твою просьбу, но произошло такое, о чем я сам никогда не подумал бы.

И тут Алешу уже было не остановить. Он рассказал всё в подробностях, иногда глотая комок слез в горле и меняя положение тела в процессе рассказа. К концу беседы сын уже обнимал маму. Ему нужна была её поддержка, он несколько раз повторил:

— Мам, я же правильно поступил? Правильно? Ну, скажи, что правильно. Ира сказала, что я молодец.

— Ты не просто молодец, сынок. Ты — человек! Только я вот понять не могу, как ты отважился на это? Их же много было, — удивлялась мама.

— А я просто понял, что люблю, — неожиданно сам для себя произнес Алеша (видимо, он только что осознал причину своего героического порыва).

— Кого же ты любишь? — удивилась мама.

— Тебя люблю, животных люблю, потому что они слабее нас, их надо защищать, весь мир люблю (о симпатии к Ире Любавиной он пока что умолчал).

— Ну, хорошо... Хорошо, что ты все мне рассказал. Пора ложиться спать, завтра рано просыпаться в школу, — заботливо прошептала Ксения Петровна.

— Только я в школу завтра не знаю, как идти. Корольков с пацанами за мою выходку обязательно отыграется, — беспокоился наш герой.

— Всё будет хорошо. Ничего не бойся, — успокоила Алексея мама.

И Алешка заснул крепко-крепко, будто целый день он трудился не покладая рук. Хотя может оно и так, ведь работа над собой — самая сложная работа.

IX

Утро началось как обычно, не считая перемены интонации в голосе мамы, когда она будила Алексея в школу. О! Она будила героя! И Алеша это почувствовал. Он тоже, в свою очередь, без напоминаний сделал все, о чем просила Ксения Петровна, и, можно сказать, воцарилась полная гармония в этой маленькой семье.

По дороге в обитель своих переживаний и страхов, наш герой шел той же дорогой, что и всегда. Однако в этот раз она почему-то казалась ему особенной. Он замечал великолепные краски осени и ловил каждую мелочь, попадавшуюся его взору. То ли от нервного напряжения, то ли от осознания себя совершенно другим, но Лешик-Ежик чувствовал сегодня все по-иному.

Алексей пришел сегодня раньше обычного, так что на пороге школы ещё никого не было. Он кротко проскочил вовнутрь, быстро разделся и притаился в рекреации на третьем этаже, зная, что первый урок будет проходить в кабинете на втором, и кроме него сюда никто из одноклассников не придет. Бедный Ежов! Сколько мыслей, сколько пестрых мучительных чувств сейчас таилось в его огненном сердце! Много раз он продумывал (и по дороге, и теперь), как он будет держать ответ за свой поступок перед Корольковым; представлял себе разные ситуации: то он оправдывается, то он гордо заявляет о правильности своих действий, то просто от страха убегает. Но делать нечего, сколько ни фантазируй, а эту ситуацию надо прожить.

В таких раздумьях молниеносно пролетело время до начала урока, прозвенел звонок, и пора было идти в «зал неминуемого суда». Лешик неохотно натянул рюкзак на плечи и побрел навстречу испытаниям. Вот она, дверь, за которой его ждет что-то страшное. Он легонько постучал, затем приоткрыл её:

— Можно мне войти? — спросил Алешка.

— Да,ходи, — без упреков за опоздание ответила Марина Евгеньевна.

Он, волнуясь, прошел по рядам, ожидая какого-то подвоха от его неприятелей. Но всё было тихо. Корольков и К° даже не посмотрели на него, вопреки ожиданиям самого Ежова. А за его партой, с левой стороны, сидела Ира Любавина. Алеша молча прошел на свое место, где-то внутри высоко подпрыгнув от радости. Все было так, как сказала мама: все было хорошо!

Лешик-Ежик теперь ушел в историю. С того дня Алексею Ежову перестали давать прозвища. Корольков, конечно, другом ему не стал, но оставил Алешку в покое. А Ира Любавина обрела настоящего друга.